

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

УДК 321.01:316.3 (045)

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ПАРТИСИПАТОРНОЕ ОБЩЕСТВО: ЛОЖНАЯ ДИЛЕММА*

ЛОКОСОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЕНИАМИНОВИЧ

доктор социологических наук, профессор,

директор Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН, Москва, Россия

E-mail: info@isesp-ras.ru

АННОТАЦИЯ

Социальное государство представляет основу консолидации современного российского общества. К сожалению, сформированная поляризация общества воспроизводит избыточное неравенство, которое представляет препятствие для внутренней солидарности российской нации, экономического роста и развития. Выдвигаемая в качестве альтернативы социальному государству концепция «общества-участия» (*participation society*) предполагает сокращение социальных расходов государства и их перенос на население. В рыночных реалиях нельзя возлагать все надежды на решение социальных вопросов на государственную власть, вместе с тем, проблемы повышения качества жизни населения, и особенно борьба с бедностью, не могут решаться только за счет граждан. Реализация партисипаторного подхода, его встраивание для повышения качества жизни населения в систему государственного управления и местного самоуправления есть новая возможность для граждан влиять на управление социальным государством и участвовать в управлении.

Ключевые слова: социальное государство; партисипаторное общество; избыточное неравенство; предельно критические показатели; социальные технологии.

THE WELFARE STATE AND THE PARTICIPATORY SOCIETY: A FALSE DILEMMA

VYACHESLAV V. LOKOSOV

ScD (Sociology), Professor, Director of the Institute of Social and Economic Studies of Population (ISESP RAS), Moscow, Russia

E-mail: info@isesp-ras.ru

ABSTRACT

The welfare state is a basis of consolidation of the modern Russian society. Unfortunately, the polarization of society reproduces excessive inequality which is a barrier to the internal solidarity of the Russian nation, economic growth and development. The concept of «society participation» (*participatory society*) is being put forward as an alternative to the welfare state. It implies the reduction in social public spending given that the population participates in providing the funding for social programs. In market conditions, the government cannot be the only responsible for social issues; on the other hand, the problems of living standards improving and especially the fight against poverty cannot be resolved only by the citizens. The application of participatory approach and its integration into the public and local administration would provide a new opportunity for citizens to influence the management of the welfare state and participate in managing.

Keywords: welfare state; Participatory Society; excessive inequality; extremely critical indices; social technologies.

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проект № 14-02-00188).

Российская Конституция в ст. 7 провозглашает нашу страну социальным государством. Социальное государство — это сложный комплекс институтов и механизмов государственного управления, посредством которых осуществляются достойная жизнь, благосостояние и свободное развитие граждан. «Построение социально ответственного государства — это важнейший вопрос поддержки в обществе взаимного доверия народа и власти, без которого в принципе невозможны процессы модернизации экономики и укрепления международного суверенитета России» [1].

Прошедшее 25-летие становления социального государства в постсоветской России можно разделить на несколько этапов. В работах Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН этот процесс делится на три этапа.

Первый этап — 1990-е гг., когда объявлялось, что время заботы государства о простых гражданах должно быть отложено на некий «переходный период», причем очень короткий. Напомню один из прогнозов Б.Н. Ельцина, сделанный в ноябре 1991 г.: «Хуже будет всем примерно полгода, затем — снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей»¹. Поздравляя «дорогих россиян» с наступлением нового 1992 года, Ельцин заверял: «Говорил и не раз буду повторять — нам будет трудно, но этот период не будет длительным. Речь идет о 6–8 месяцах». В этих обещаниях трудно отличить дремучесть представлений президента о происходящих событиях от политического прагматизма для сохранения доверия населения к проводимому курсу реформ.

По оценкам Н.М. Римашевской, к окончанию первого этапа 15% населения «выиграли» от реформ; остальные проиграли или оказались в крайне неустойчивом социально-экономическом положении. Средний класс, к которому по инерции причисляли себя до 60% взрослого населения, по уровню

доходов составлял 10–15%. В эти годы демонтаж социального государства был очевиден. Шоковая терапия отняла у большинства населения все сбережения, включая «гробовые деньги», оставленные на черный день. Классик либерализма Джон Стюарт Милль отмечал, что порабощение людей осуществляется не только силой, но и бедностью. Эта форма угнетения не меньшее зло, чем тоталитарные и деспотические формы правления. «Бедные не ошибаются, когда думают, что этот вид зла равнозначен другим видам, с которыми человечество боролось до сих пор»².

Второй этап — с начала 2000-х гг. до наступления финансового кризиса 2008 г., характеризовался экономическим подъемом, сменой официальной позиции относительно роли государства в социальной сфере. Тогда же произошли и некоторые положительные изменения в сфере социальной политики — прекращение задержек с выплатой зарплат, пенсий, иных социальных пособий и их индексацией, рост бюджетных ассигнований на социальную сферу и т.п. Тем не менее и в эти так называемые «тучные» годы на фоне притока в страну «нефтедолларов» общее направление движения России с точки зрения построения социального государства расходилось с заявленной в ст. 7 Конституции РФ стратегической целью.

В этот период в России были введены плоская шкала подоходного налогообложения с 13%-ной ставкой (при том, что налог на доход от капитала — 9%) и регрессивная шкала отчислений во внебюджетные фонды (ПФ, ОМС, ФСС) при ставке единого социального налога (ЕСН) для невысоких доходов в 26%; отменены налоги на наследование и дарение для близких родственников³; фактически отменена такая мера наказания, как конфискация имущества.

В недавно (2013 г.) изданной книге «Капитал в XXI веке» (*Capital in the TwentyFirst Century*) Томас Пикетти, ведущий сотрудник Школы высших исследований в области

¹ Выступление Б.Н. Ельцина на VI съезде народных депутатов России 28 ноября 1991 г. URL: <http://know-it-all-1.narod.ru/praviteli80.html> (дата обращения: 15.09.2014).

² Цит. по: Kymlicka. Contemporary Political Philosophy. Oxford University Press, N.Y. 2002, p. 124.

³ Подобные нововведения в виде обнуления налогов на наследование и дарение подавались как направленные на удовлетворение интересов простых людей, хотя их бенефициарами прежде всего являлись владельцы крупных состояний.

социальных наук и профессор Парижской школы экономики, утверждает: «Капитал концентрируется у меньшинства, а потому возрастает роль наследства. У детей, родившихся в 1970 и 1980-е, наследство особенным образом влияет на то, как сложится их жизнь, карьера, каков будет их личный и семейный выбор». Эти слова в полной мере характеризуют положение детей, родившихся в российских состоятельных семьях в 1990 и 2000-е гг.

Несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов в первое десятилетие XXI в., социальная поляризация ввиду форсированного роста самых высоких доходов и зарплат не уменьшалась, а продолжала нарастать. К 2009 г. увеличение доходов происходило асимметрично — половина населения получала чуть больше 20%, четверть (из состоятельных слоев) — чуть меньше 50%, и высокодоходная часть населения — 31%. Как писал лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества — колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства» [2].

В вышедшем Докладе о мировом благосостоянии (*Global Wealth Report, 2012*) Россия заняла первое место в мире среди крупных стран по неравенству распределения богатства. Неравенство распределения богатства было выше только в нескольких карибских странах с налоговыми офшорами. Мы вернулись к дореволюционной России, когда 1% населения владели около 30% национального богатства⁴.

Суть проблемы в том, что механизмы формирования и перераспределения доходов населения оказались настроенными и работали в пользу богатых, большая доля совокупного роста доходов уходила на рост доходов наиболее обеспеченных

слоев населения, а на повышение доходов наименее обеспеченных оставались крохи. Одновременно сохранялся исключительно фискальный (в смысле налоговых изъятий) характер налоговой политики в отношении производительного и прежде всего наукоемкого сектора экономики.

Бюджетные ассигнования на социальную сферу росли, но по-прежнему оставались не соответствующими ее потребностям. Отраслям социальной сферы — образованию, здравоохранению, жилищному хозяйству, коммунальной инфраструктуре, культуре и массовому спорту был нанесен значительный урон. В результате показатели человеческого потенциала стали снижаться, индексы человеческого развития поползли вниз в сравнении с дореформенным временем и с другими странами.

В качестве предельно критического (порогового) значения коэффициента фондов, т.е. соотношения доходов крайних 10% наиболее и наименее обеспеченных групп населения, принято считать соотношение 10:1. В 1991 г. этот показатель составлял в нашей стране 4,5 раза, в 2014 г. — 16 раз по официальной статистике, более 25 раз по экспертным оценкам и 40 раз с учетом скрытых доходов. Этой теме посвящены многие исследования, в том числе академика Д. С. Львова, профессора А. Ю. Шевякова, проанализированы представления о социальном неравенстве, его проявлениях и причинах. Например, определено, что снижение избыточного неравенства на 1 пункт индекса Джини повышает темп экономического роста на 1,87 процентного пункта, темп роста объема инвестиций — в среднем на 3,6–3,8 процентных пункта.

Совокупность изданных в этот период нормативно-правовых актов, затрагивающих образование, здравоохранение, социальное страхование и т.д., говорит о том, что, несмотря на смену официальной риторики, задача сокращения, или, говоря бюрократическим языком, оптимизации, социальных расходов государства так и осталась среди приоритетных [3].

Начало *третьему этапу* положил разразившийся осенью 2008 г. мировой финансовый кризис, который не мог не сказаться на

⁴ В 2008 г., по расчетам Российской экономической школы, «золотой миллион» (примерно 0,7% населения) получал 30% всех доходов населения. При этом оценки сделаны без учета дохода от роста стоимости капитальных активов и других доходов, не отражаемых в российской статистике. URL: http://www.modern-rf.ru/netcat_files/93/47/h_ac92a9a5724658060b68c242d82fe626 (дата обращения: 28.09.2014).

социальной политике затронутых им стран, включая Россию. Кризис, продемонстрировавший явную исчерпанность той модели экономического развития, которую избрала постсоветская Россия, казалось, давал надежду на существенный пересмотр социально-экономической политики и в целом, и применительно к социальным отраслям. Тем более что история становления социальных государств в других странах показала, что это как раз то время, когда нужно активно строить социальное государство. Решительный поворот в сторону строительства социального государства совершался странами Европы и Северной Америки как раз в самых неблагоприятных экономических условиях — во время Великой депрессии начала XX в. и послевоенной разрухи [4]. Инвестиции в социальную сферу были единственным способом преодолеть социальный раскол, чреватый непредсказуемыми последствиями.

Однако, в отличие от зарубежного опыта строительства социальных государств на протяжении XX в., Россия начала XXI в., перед лицом серьезнейших вызовов и сверхсложных задач, ставших в 2014 г. еще более очевидными, продолжала следовать прежним курсом, который ведет к росту социального неравенства и дальнейшей социальной поляризации.

В докладе «О социально-экономическом развитии России до 2015 года» (2007 г.), подготовленном по заказу РИО-Центра коллективом исследователей институтов РАН под руководством директора Института экономики РАН, чл.-корр. РАН Р.С. Гринберга, говорилось, что ситуация, при которой 2,5% населения Земли (жители России) владеют 14% суши и примерно 50% природных ресурсов, становится, по мнению наших конкурентов, все менее естественной и превращается в растущий раздражитель для внешнего мира. Ослабить такие напряженности можно, либо поделившись имеющимися ресурсами с мировым сообществом, либо заметно увеличив долю своей экономики в мировом хозяйстве.

В докладе «Инновация — последняя надежда России» (2009 г.), подготовленном зам. директора Института прикладной математики РАН

Г.Г. Малинецким на основе результатов проведенного в Институте прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН (ИПМ РАН) моделирования, утверждалось, что положение, при котором Россия, производя всего 1% глобального валового продукта, владеет 30% всех мировых богатств, не оставляет ей даже роли сырьевого придатка, поэтому альтернативой ускоренному инновационному развитию страны может быть только ее распад.

Что мы имеем в социальной сфере сегодня, в результате проведенных реформ? Отставание России от экономически развитых стран по уровню МРОТ, пенсий, обеспеченности жильем составляет от 2 до 10 раз, в то время как превышение показателей неравенства, бедности, доступности жилья над среднеевропейскими варьируется от 2 до 9 раз. По оптимистическому прогнозу при вводе 1 кв. м жилья на душу населения в год Россия по уровню жилищного обеспечения догонит Норвегию через 53 года, США — через 44, Данию — через 30 лет⁵.

Сложился механизм неэффективного использования природно-ресурсного и человеческого потенциала, продолжения экстенсивной эксплуатации природных и людских ресурсов. Продолжительные и радикальные реформы в здравоохранении, образовании и науке пока не принесли искомым результатов. В России ни государство, ни бизнес, ни гражданское общество не проявляют должной заинтересованности, чтобы инвестировать в профессиональный потенциал населения, в качество населения.

Логика неолиберального подхода к формированию социального государства приводит нас к двум радикальным выводам. *Первый вывод* сделал король Нидерландов Виллем-Александр в сентябре 2013 г., объявив о конце социального государства. Социальное давление на государство становится в силу демографических и иных причин избыточным. Например, в Германии затраты на социальную сферу растут быстрее всех в мире: к 2050 г. прогнозируется, что 30%

⁵ URL: <http://sovretector.ru/document/212> (дата обращения: 13.12.2014).

немецкого ВВП будет уходить на систему здравоохранения.

Второй вывод, также подразумевающий конец социального государства, сделал Томас Пикетти: «Если богатые богатеют в три раза быстрее, чем экономика, это означает, что в их руках происходит концентрация капитала, которая в конечном итоге может составить 90 или даже 100% национального капитала. А это значит, что среднему классу ничего не останется, и он исчезнет»⁶. При реализации этой модели вовлечения населения происходит блокировка его скатывания к иждивенчеству и чрезмерному патернализму.

Переход от экстенсивной (патерналистской, патронажной) к интенсивной социальной политике, рассчитанной не только на поддержку нуждающихся, но и на умение поддерживать и формировать способности человека к непрерывной учебе, применению новых партисипаторных практик, самореализации, поможет успешному развитию социального государства, консолидации и сотрудничеству власти, бизнес-структур и населения. В демографической политике этот переход означает ее перенацеливание с количества на качество населения, на накопление и рациональное применение человеческого потенциала; корректировку миграционной политики с учетом стратегических интересов коренных народов России; воссоздание традиционных ценностных ориентаций российского народа на семейную жизнь и многодетность.

Большинство прогнозов (например, Минэкономразвития РФ) предполагают 1%-ный рост ВВП в 2015–2016 гг., что создает трудности для реализации социальной политики и наиболее важной ее части — семейной политики. Вероятность «затягивания поясов» при сложившемся конфликте интересов разных групп населения может усилить социальную напряженность в обществе. Череда реформ в здравоохранении, образовании, науке, культуре

пока не привела к продуктивным результатам. Вероятно, преждевременными являются и суждения о том, что негативные тенденции в демографической сфере удалось переломить.

В управленческой практике преобладают количественный и технократический подходы к реорганизации социетальной системы. Проводимая корректировка приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий фактически игнорирует социальные и гуманитарные науки. К сожалению, неэкономическим факторам, в том числе качеству населения, влиянию ценностных ориентаций на развитие экономической, социальной, демографической сфер, уделяется мало внимания. Научная традиция понимания и объяснения социально-экономических, демографических процессов мировоззрением людей существует в социологии давно. Например, в статье М. Шелера «Народонаселенческие проблемы как мировоззренческие вопросы» (1921) выдвигается тезис о том, что, помимо способности к размножению, существует также и воля к продолжению рода, которая определяется мировоззрением личности. И сегодня есть ряд социологических исследований, анализ результатов которых приводит к выводу, что установка на рождение определенного числа детей в существенно большей степени зависит от потребности в детях, чем от восприятия уровня жизни, т.е. мировоззрение и воля к продолжению рода остаются доминантными [5]. Этой же проблеме посвящена работа академика О.Т. Богомолова «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние» [6].

Ключ к решению рассмотренных проблем — в принципиально новом подходе к формированию социального государства. Стала очевидной бесплодность политики «латания дыр», «ручного управления», «быстрого реагирования» на каждодневно возникающие трудности в жизни людей, что не позволяет решить ни одной крупной проблемы. Для объяснения новой социальной

⁶ Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения / под ред. Н.М. Римашевской и Н.Н. Иващенко. URL: <http://www.isesp-ras.ru/publications/monograph/> (дата обращения: 13.12.2014).

реальности продолжают применяться теоретические модели, которые для решения этой задачи неприменимы. Л.Г. Ионин отмечал еще в 1996 г.: «Мы упустили из виду процессы, происходящие в нашем собственном обществе, и живем сейчас не своим знанием, а 30–40-летней давности идеологией западного модерна» [7].

Нам нужны новые теоретические системы координат, находящие компромисс между социальным государством и «обществом участия». Именно качество населения является главным стратегическим ресурсом развития общества, базовым критерием эффективности развития общества. Повышение уровня и качества жизни есть средство повышения качества населения. Например, здоровье населения — один из основных показателей его качества, он, конечно, зависит от состояния системы здравоохранения (уровня жизни), доступности и качества лечения (качества жизни), но главным образом здоровье зависит от самого человека, его генетически наследуемых качеств и выбранного образа жизни.

Эвристическую пользу в разработке этих новых координат может принести обращение к работе Ф. Тенниса «Общность и общество» (впервые опубликованное в 1887 г.), в которой немецкий социолог раскрыл переход от «общинной» социальной организации к «общественной». Общность (*Gemeinschaft*) и общество (*Gesellschaft*) представляют два качественно разных типа социальных отношений. Общность понимается как «реальная и органическая жизнь», общество — как «идеальное и механическое образование».

Общность есть «устойчивая и подлинная совместная жизнь, общество же — лишь преходящая и иллюзорная. И потому сама общность должна пониматься как живой организм, а общество — как механический агрегат и артефакт»; «всякая доверительная, сокровенная, исключительно совместная жизнь... понимается как жизнь в общности» [8].

Общество (индустриальное, потребительское) закодировано на покорение, во-первых, природы как источника природных ресурсов,

что ведет к разрушению природной среды обитания человека. Во-вторых, на покорение «общностей», которые рассматриваются в качестве колониальной периферии и как источник трудовых ресурсов, что создает условия для перманентного социально-политического конфликта.

Выходом из современного кризиса «общества» выступает стимулирование перехода от «общества» к «со-обществу» (*co-society*), который отражает закономерность смещения естественно-исторических процессов в сторону социально-исторических и социокультурных, когда определяющую роль в развитии играют социальные факторы, человеческий потенциал.

Понятие «со-общество» выражает локализацию социальных отношений и перспективность партисипаторного подхода. Структурная иерархичность, которая свойственна обществу, постепенно дополняется сетевой самоорганизацией социальной системы. Кризис идентичности, в котором сегодня пребывает переходное общество, отчасти связан с «механическим» характером объединения в нем людей. Термин «со-общество» подчеркивает соучастие, согласие, сотрудничество людей, возвращает им настрой на «органичность» социальных отношений. В общности органическое единство достигалось за счет воспроизводства социальных статусов в их традиционном виде, причем статусы носили сакральный характер. Общество «расколдовало» социальный порядок, разъединило людей. Сообщество вновь их объединит за счет более гибкого, ненасильственного, сакраментального конструирования идентичностей и солидарностей, в частности с помощью электронных, сетевых СМИ.

Положение человека в обществе в целом, включая государство, есть краеугольный камень научного понимания и объяснения социальной реальности. Политическая, экономическая и другие целесообразности, как правило, оборачиваются доказательствами их второсортности и маргинальности, что, в конечном счете, ведет общество к получению очередного негативного опыта реформ и далее — к новым потрясениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Швецова Л.И. Государственная социальная политика как инструмент построения социального государства // Народонаселение. 2014. № 3. С. 4.
2. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003. С. 188.
3. Пансков В. Новейшие коллизии налогообложения доходов физических лиц: суть и возможности разрешения // Российский экономический журнал. 2007. № 1–2.
4. Эспинг-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу // SPERO. 2006. № 5. С. 7–32.
5. Архангельский В.Н. Влияние субъективной оценки уровня жизни на репродуктивное поведение // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 8. С. 36–41.
6. Богомолов О.Т. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М.: Институт экономических стратегий, 2010. 800 с.
7. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. № 2. 1996. С. 10.
8. Теннис Ф. Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 9–12.
2. Stiglits Dzh. Globalizatsiia: trevozhnye tendentsii [Globalization: disturbing trends]. M.: Mysl', 2003, p. 188. (In Russ.)
3. Panskov V. Noveishie kollizii nalogoblozheniia dokhodov fizicheskikh lits: sut' i vozmozhnosti razresheniia [Personal income tax: the nature and possible solutions of recent problems]. Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal — Russian Economic Journal, 2007, no. 1–2. (In Russ.)
4. Esping-Andersen G. Snova na puti k khoroshemu obshchestvu [Again towards the good society]. SPERO, 2006, no. 5. pp. 7–32. (In Russ.)
5. Arkhangel'skii V.N. Vliianie sub'ektivnoi otsenki urovnia zhizni na reproduktivnoe povedenie [The influence of the subjective assessment of the living standard on the reproductive behavior]. Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii — The living standard of the population of Russian regions, 2011, no. 8, pp. 36–41. (In Russ.)
6. Ionin L.G. Kul'tura i sotsial'naia struktura [Culture and social structure]. Sotsiologicheskie issledovaniia — Sociological studies, no. 2, 1996, pp. 10. (In Russ.)
7. Bogomolov O.T. Neekonomicheskie grani ekonomiki: nepoznannoe vzaimovliianie [Non-economic facets of the economy: the unknown interference]. M: Institut ekonomicheskikh strategii — Institute for Economic Strategies], 2010, 800 p. (In Russ.)
8. Tennis F. Obshchnost' i obshchestvo [Community and Society]. SPb.: Vladimir Dal' — Vladimir Dahl, 2002, pp. 9–12. (In Russ.)

REFERENCES

1. Shvetsova L. I. Gosudarstvennaia sotsial'naia politika kak instrument postroeniia sotsial'nogo gosudarstva [State social policy as a tool for building a social state]. Narodonaselenie — Demography, 2014, no. 3, p. 4. (In Russ.)
2. Stiglits F. Globalization: disturbing trends. M.: Mysl', 2003, p. 188. (In Russ.)
3. Panskov V. Recent collisions of taxation of physical persons' incomes: essence and possible solutions. Russian Economic Journal, 2007, no. 1–2. (In Russ.)
4. Esping-Andersen G. Again towards the good society. SPERO, 2006, no. 5. pp. 7–32. (In Russ.)
5. Arkhangel'skii V.N. The influence of the subjective assessment of the living standard on the reproductive behavior. The living standard of the population of Russian regions, 2011, no. 8, pp. 36–41. (In Russ.)
6. Ionin L.G. Culture and social structure. Sociological studies, no. 2, 1996, pp. 10. (In Russ.)
7. Bogomolov O.T. Non-economic facets of the economy: the unknown interference. M.: Institute for Economic Strategies, 2010, 800 p. (In Russ.)
8. Tennis F. Community and Society. St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2002, pp. 9–12. (In Russ.)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Московский экономический форум

25–26 марта 2015 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова состоится Московский экономический форум с ключевой темой «Новый курс. Время не ждет!». На Форуме проводится анализ противоречий доминирующего сегодня курса развития России, оценивается потенциал альтернативного развития и возможности для его реализации. Московский экономический форум — это международная экспертная площадка по выработке стратегических решений и антикризисных программ, направленных на развитие экономической политики России.

Источник: URL: <http://www.fa.ru/dep/uoonir/news/Pages/2015-02-24-moskovskiy-ekonomicheskii-forum.aspx>.